

Юрий Токарь

УЧИТЕЛЬ

Светлой памяти моего друга Василия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕСОРАЗМЕРЕННОСТЬ

Глава 1

В 1992 году двадцатипятилетний Кропивин Игорь Владимирович, окончив за четыре года до того университет, преподавал математику в сельской школе. Правда, несмотря на настоящий его возраст, многие, едва с ним познакомившись, сначала считали Кропивина старшим. Довольно заметные залысины, которые хоть и появились не так давно, казались многим внешним признаком возраста молодого и, в общем, слишком обычной внешности учителя. Вместе с тем, не просто наигранно-спортивная, а какая-то внутренняя подтянутость, искренний, ненадуманый юмор и элементарная человеческая доброта, выявляемые при более близком знакомстве с Игорем Владимировичем, или, для друзей, конечно, просто

Игорем, нивелировали внешние признаки возраста и помогали установлению дружеских отношений и с учениками, и с коллегами. И залысины учителя никак не мешали тем добрым отношениям, а всего лишь забирали место у темно-каштановых волос, но это не сильно беспокоило молодого педагога. Кнышев, а именно такое название имело село, где учительствовал Кропивин, старинно и удивительно живописно. В центре его не могло не броситься в глаза огромное и вместе с тем выглядящее отчего то очень беззащитным озеро, плотно окруженное старыми, всегда грустными ивами. Кнышев относился к населенным пунктам пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС, а потому детей, проживающих в нем и других селах Комаровского района Киевской области, где Кнышев располагался, ежегодно, организовано вывозили в санатории и детские оздоровительные лагеря на отдых. В конце мая директор школы сообщила молодому учителю, что двадцатого июля он должен отправиться с группой учеников в детский оздоровительный лагерь, к берегу моря, в Одесскую область. Игорю Владимировичу на восемнадцать дней предстояло стать воспитателем и работать с Кнышевскими детьми разного возраста, в том числе и с второклассниками, и с третьеклассниками. Это несмотря на то, что Кропивин преподавал только в старших классах. Но отказаться от неожиданной

командировки он не мог. Ведь жил Кропивин один, в пришкольном общежитии, участка земли с огородом не имел и летом ничто его, по мнению руководства, в Кнышеве не держало. А другие учителя, обремененные заботами о своих подсобных хозяйствах, не могли запросто оставить село на восемнадцать дней.

Оказался в группе Игоря Владимировича и Виталик Давлацкий. Кто он такой? Ничего не знал о нем изначально и откомандированный на море учитель, хотя видел, конечно, фамилию мальчика в списке детей, отправляющихся на юг, но не ведал воспитатель ничего о том, насколько неординарным был, теперь уже его подопечный, второклассник Давлацкий. Оно и понятно, Кропивин же работал в школе только с учениками девятого, десятого и одиннадцатого классов. По настоящему Игорь Владимирович познакомился с маленьким, худощавым, светловолосым Давлацким только двадцать первого июля, то есть в тот день, когда с учениками он попал на территорию удивительно уютного, будто плавающего в зелени дубов, тополей, осин и диковинных, но аккуратно подстриженных кустов, детского оздоровительного лагеря «Дружный».

Несмотря на внешние признаки комфорта, название здравницы, которая приняла Кнышевцев, совсем не соответствовало тому, что не могло не

броситься в глаза только что прибывшим отдыхающим с первых минут знакомства с «Дружным». О чем речь? Уже в самом лагере выяснилось, что чернобыльцы будут отдыхать вместе с детьми, приехавшими из Молдовы и Приднестровья, то есть с теми, которые оказались в «дружном» раньше Кнышевцев. Ученики Игоря Владимировича, и сам он с непониманием обращали внимание на чем-то странных, смуглых ребятишек. Казалось, что кто-то украл у них улыбки. Дети те не то чтобы недружелюбно, но как-то равнодушно скользили взглядами мимо Кнышевцев, не замечая их. Однако, в те дни на территории Приднестровья шли бои. Молдаване, считая населенное преимущественно русскими Приднестровье своим, воевали с приднестровцами, не желаящими признавать молдавскую власть над своей землей. Как только Кропивин услышал об отдыхающих школьниках, вывезенных из зоны боевых действий, от пятидесятилетнего директора «Дружного» Михайлюка Павла Павловича, то удивленно посмотрел на него и спросил:

— Как же так, здесь и русские, и молдавские дети?

— Да. Почти все из Тирасполя.

— Но там же война.

— Война, — сказал, вздохнув, Михайлюк, — но что же делать, детям и молдавским, и

российским отдыхать тоже где-то нужно, а нам деньги зарабатывать, реализовывая путевки.

Тяжелый вздох руководителя здравницы неожиданно перешел в неуместный смешок.

Но Кропивин никак не мог понять, как так случилось, что в одном лагере оказались дети людей, стреляющих друг в друга, а вместе с ними еще и ученики, отмеченные тенью Чернобыля. Ясно было только то, что директор здравницы пытался заработать деньги, ведь платили и молдаване, и русские. Только через несколько дней от работников столовой Игорю Владимировичу стало известно, что лагерь принадлежал ранее Комитету Государственной Безопасности Молдавской Советской Социалистической республики, а затем стал принадлежать непонятно кому: или Министерству Национальной Безопасности Молдовы, или Службе Безопасности Украины, или, возможно, сам директор, с кем-то стоящим за его спиной, легальным или полулегальным способом (тогда в Украине многое делалось полулегально) приватизировал детскую здравницу. Кстати, всезнающие работники пищеблока «Дружного» за глаза называли своего директора шашлычником. Он, бывший прапорщик КГБ, специализировался во время службы в мощной, в свое время, закрытой структуре, в основном на организации неформальных мероприятий. Иначе и проще

говоря, готовил шашлыки на пикниках, которые устраивало руководство. Возможно, на пикниках тех и решались какие-то вопросы государственной важности, но прапорщику Михайлюку о том, конечно, никто не докладывал.

Теперь вернемся к Виталику Давлацкому. Чем же он привлек к себе внимание воспитателя в «дружном»? Поведением своим, конечно. Нет, мальчик не дрался ни с кем, не ссорился, ничего не крал, но... Но когда в день приезда в здравницу Кнышевские дети, расселившись по комнатам, в них и находились, раскладывая свои вещи, Виталик занимался другим делом.

Кропивин, устроив школьников в комнатах и решив пройтись по территории здравницы, спускаясь по лестнице со второго этажа спального корпуса, отведенного Кнышевцам, услышал громкий, медленный и ритмичный стук. Воспитателю показалось, что кто-то бьет по кафельному полу тяжелым предметом. Спустившись в вестибюль, Игорь Владимирович понял, что так оно и было. Мальчик, в котором Кропивин узнал ученика Кнышевской школы, не замечая воспитателя, сидя на корточках, огромным камнем (и как только он удерживал его в маленькой руке) упорно бил по кафельному полу. «Но зачем?», — Мелькнула мысль в голове воспитателя, когда он, сделав два прыжка, выхватил камень,

высоко занесенный перед очередным ударом, из рук, как позже открылось, Виталика Давлацкого. И только тут Кропивин понял, что мальчик бил не просто по полу, а по боевому патрону крупнокалиберного пулемета. Игорь Владимирович, не успев еще в полной мере в те секунды осознать, чем мог закончиться жестокий эксперимент ребенка, действуя автоматически, быстро спрятал патрон в нагрудный карман своей рубашки. Только потом он выяснил и то, как звали мальчика, и то, что патрон Виталик выменял у одного из молдавских школьников на шоколадку, которую в дорогу Давлацкому дала бабушка.

А что касается оружия и боеприпасов, то всего этого находилось на территории детской здравницы немало: и армейские штык-ножи, и патроны различного калибра, и даже две гранаты Ф-1, которые, правда, как рассказал директор «Дружного» Кропивину позже, были случайно обнаружены в комнате одной двенадцатилетней девочки из Приднестровья еще до приезда в лагерь Кнышевцев и переданы работникам милиции.

«Детство обожженное войной», — где-то Кропивин слышал такую фразу, но только в «Дружном» он почувствовал всю ее тяжесть и вопиющую неестественность в сочетании слов тяжесть эту обозначающих. «Если дети, то при чем же война?», — подумал Игорь, который вырос в

отечестве, подарившем ему мирное детство, — «несоразмеренность какая-то получается, несоразмеренность слов или это уже несоразмеренность явлений непостижимых умом человеческим».

Патрон, своевременно выхваченный у Виталика, воспитатель выбросил в море.

А через день Давлацкий купил игрушечный грузовик. Маленькие размеры машинки не помешали торговцу, принесшему свой товар в детский лагерь, и, очевидно, отстегнувшему определенную сумму директору здравницы за получение разрешения на торговлю, продать игрушку Виталику очень дорого. Мальчик заплатил за симпатичный внешне грузовичок все деньги, которые дала ему в лагерь бабушка для того, чтобы внучек мог покупать себе мороженое и фрукты. Об этом он сам рассказал воспитателю. Конечно, Виталик в «Дружном» с голоду бы не умер. В здравнице кормили хорошо. Но в то время когда другие дети, возвращаясь в лагерь с пляжа, могли покупать себе что-то вкусненькое на небольшом, импровизированном базарчике, приютившимся неподалеку от здравницы, Давлацкий этого делать уже не мог.

Выслушав Виталика, который радостно но, вместе с тем, по деловому поделился новостью о приобретении автомобиля с воспитателем,

Кропивин, почувствовав, что с мальчиком можно говорить только серьезно, вздохнув спросил:

— Ну вот скажи, зачем тебе нужен грузовик?

Мальчик сразу же, не задумываясь, лишь удивленно взглянув на Игоря Владимировича, ответил:

— Мертвых отвозить на кладбище.

— Мертвых? На кладбище? — изумился сначала воспитатель, но через несколько мгновений вспомнил, что перед отъездом из Кнышева заместитель директора школы предупредила его о том, что на море с ним поедет мальчик, который живет только с бабушкой, поскольку его мама не имела мужа, давно уже пристрастилась к спиртному и в селе появлялась не часто, загуливая обычно где-то в столице. Теперь Кропивину стало понятно, что речь тогда шла о Давлацком. А бабушку мальчика, по словам завуча, хорошую кухарку, родственники умерших Кнышевцев обычно просили готовить на похоронах, которые случались в селе иногда. Виталика она на все похороны брала с собой, чтобы мальчик был не голоден и не оставался без присмотра. Таким образом, маленький Давлацкий досконально выучил весь обряд погребения.

— А может лучше ты будешь мороженное развозить машиной?

— Мороженное? — переспросил мальчик,

задумавшись на несколько секунд, — нет, я буду возить мертвых.

Машинку Виталик потерял через четыре дня, а старшие ребята позже нашли ее и принесли воспитателю. Игорь Владимирович спрятал дорогую игрушку в своей комнате, а потом позвал Давлацкого. Когда мальчик вошел в комнату, Кропивин спросил его:

— Виталик, а где же твой грузовик?

— К бабушке поехал, — не задумываясь, совершенно деловым тоном ответил странный ребенок.

Игорь Владимирович смущенно посмотрел на воспитанника, который стоял перед ним. Казалось, мальчик искренне верил в то, что сказал.

— Давно? — уточнил воспитатель.

— Два дня уже.

— А топлива хватит?

— Топлива? — переспросил Виталик и поднял голову вверх, высматривая что-то на потолке и шепча какие-то цифры. Создавалось впечатление, что он проводил определенные вычисления, — да, топлива хватит, точно.

Игрушку мальчику Кропивин отдал только в день отъезда домой.

Прямо и грубо Виталик дисциплину не нарушал никогда, но однажды он исчез. На «тихом часу» воспитатель не обнаружил его в комнате, а

мальчики, которые с ним вместе проживали, утверждали, что им неизвестно где Виталик. Игорь Владимирович, естественно, организовал поиск пропавшего ребенка, задействовав в нем большую часть Кнышевцев. Искали по всей территории «Дружного», в корпусах, даже в подвалах и на чердаках, но безрезультатно. И только через час после того, как выяснилось, что Виталик исчез, одна из девочек сделала бессмысленное, на первый взгляд, предположение:

— А может он в женском туалете, на нашем этаже?

Предположение казалось абсурдным не только потому, что искать Давлацкого предлагалось в женском туалете, а и потому, что туалет тот утром не работал, о чем сообщала табличка, закрепленная на его дверях. Девочки, в связи с этим, вынуждены были пользоваться туалетом, находившемся на улице, метрах в сорока от корпуса. Однако, воспитатель попросил одиннадцатилетнюю, светловолосую Олю, которая сделала неожиданное предположение, самой проверить его правдивость. К удивлению всех девочка оказалась права. Спящего Виталика она действительно нашла в неработающем туалете. Он спал там.

Маленький мальчик, на котором одеты были только плавки, смог примоститься в биде, а когда забрался в него, открыл кран и пустив на себя

тоненький ручеек теплой воды, заснул, расслабившись, вероятно, от невиданной роскоши. Ведь дома, в деревне у Давлацкого не было ни ванны, ни душа.

А что касается денег на фрукты и мороженное, то Виталик и при отсутствии финансов не страдал. Почему? Кропивин быстро нашел ответ на этот вопрос. На следующий день после покупки грузовика Давлацкий и другие дети, возвращаясь с воспитателем с морского пляжа в лагерь, зашли, как обычно, по дороге на базарчик. Отпустив детей на двадцать минут, Игорь Владимирович ждал их возвращения в тени развесистой акации дарившей легкую прохладу, откуда видел все торговые ряды. Он наблюдал за Давлацким, заинтересовавшись, куда направится мальчик, не имея денег. А мальчик вместе со своими односельчанами пошел в сторону бабушек и дедушек, мужчин и женщин, торгующих сочными, желто-красными персиками, аппетитными, ярко-оранжевыми дынями, обещающими одарить сладостью арбузами, сливами и алычой. Виталик отделился от других Кнышевских детей и не торопясь подошел к невысокой, седой бабушке, на прилавке перед которой лежали крупные, сочные персики. У Кропивина мелькнула мысль: «неужели Виталик начнет просить персик?». Но нет, не стал ничего кланчить Давлацкий, но чтобы понять то,

что произошло дальше, надо представить как выглядел Виталик. Если вам приходилось видеть снимки детей-узников концентрационных лагерей периода Великой Отечественной войны, то легче будет представить Давлацкого. Он, возвращаясь с пляжа только в плавках и изрядно помятой кепочке, слишком худой, сильно напоминал тех детей с фотографий военной поры. Так вот, Виталик, подойдя к торгующей бабушке, просто остановился возле нее и начал внимательно смотреть на персики. Это продолжалось несколько минут, а затем торговка, сжалившись, очевидно, над маленьким мальчиком, протянула ему два персика. Давлацкий взял персики и, отойдя на несколько метров, не торопясь, с достоинством их съел. Безусловно, бабушке он сказал: «спасибо», получив южные сладости.

Нечто похожее происходило регулярно, каждый день. Только, естественно, Виталик пытался подходить к различным торгующим бабушкам, а иногда и дедушкам. Но никогда и ничего у владельцев товара не просил, а просто стоял и смотрел на прилавок. Что же было делать, обстоятельства жизненные научили мальчика приспособливаться к реальности именно так. А мы не приспособливаемся? Пусть не настолько примитивно как Виталик, но разве может изысканность формы действий затмить их суть? Так

что не стоит, пожалуй, порицать семилетнего мальчика за то, что он жил в вымышленном им мире, который, все-таки, при всем желании Виталика, не мог не соприкасаться с миром реальным.

Глава 2

Раиса Ивановна Милеева, — так звали старшего воспитателя «Дружного», тридцатипятилетнюю, очень полную, светловолосую, коротко подстриженную женщину, которая в студенческие свои годы довольно основательно занималась греблей. Приехала она в лагерь из Тирасполя. Там бывшая спортсменка, русская по национальности, преподавала в школе географию. Замужем никогда не была, а жила вместе со старенькой своей мамой. За два года до начала войны в Приднестровье Раиса Ивановна похоронила отца. Кропивин с первых дней работы в детской здравнице понял, что Милеева относится к тем педагогам, кому профессия далась от Бога.

Эта женщина сопровождала в пути русских мальчиков и девочек из Приднестровья, а когда привезла их в лагерь, то решила устроиться работать уборщицей. Да, уборщицей. О должности воспитателя учительница из Приднестровья не могла и помышлять и вовсе не потому, что лагерь

был украинский (возможно) или, во всяком случае, находился на территории Украины, то есть, другого государства. Нет, иностранство здесь ни при чем. Просто директор, Павлович, как по-простому, за глаза, называли его многие работники здравницы, набрал на работу воспитателями учителей из местных, Васильевских школ. Ведь «Дружный» находился как раз в Васильевке. В то время заработную плату педагогам не выплачивали по три-четыре месяца. И Васильевские преподаватели были несказанно рады устроиться воспитателями, а устроившись согласились беспрекословно подчиняться директору здравницы, что очень нравилось Павловичу. Ни о каких спорах с начальством в «Дружном» не могло идти даже речи. Педагогический состав оказался более чем управляемым. Но вот уборщиц первое время не хватало, а потому Раиса Ивановна Милеева была принята на работу без проблем.

Когда через два дня пребывания в здравнице Кнышевских детей Милеева стала руководить воспитателями, то на первом же совещании педагогов, которое проводила уже она сама, Раиса Ивановна сказала довольно глубокомысленную фразу. Во всяком случае, именно такой сентенция ее показалась присутствующему на совещании Игорю Владимировичу. На едкий и примитивный до грубости вопрос, заданный, возможно, и не со

злости, и не от зависти совсем, а от элементарной невоспитанности одной учительницей-молдаванкой: «А как вам новое место работы?» Милеева, не долго думая, искренне ответила:

– Знаете, с детства мама приучила меня, что любую работу, какой бы ни заставила заниматься жизнь, надо делать хорошо. С тряпкой я пыталась работать качественно. Не знаю, возможно, это и заметил Павел Павлович, а затем принял решение о моем повышении по службе. Надеюсь справиться и с новой своей должностью.

Оценив достоинство честного и простого, молниеносного ответа Раисы Ивановны Кропивин посмотрел на женщину, задавшую провокационный, бестактный вопрос, на женщину, которая явно подразумевала изречение: «из грязи в князи». Подумалось ему тогда о словах Шекспира: «простота хуже воровства», и затем возникла у Кропивина мысль об английском классике: «насколько же гениальным должен быть автор, чтобы сформулировать емкое выражение, которое остается таковым и через сотни лет».

А потом Игорь Владимирович спросил себя: «я заметил, что бестактной женщиной оказалась молдаванка. Почему заметил? Раньше же о национальности даже не задумывался. Что это? Откуда попал ко мне вирус национальный?»

Национальный вирус или вирус национализма? Или шовинизма? Или каким там измом это называется? Какая чушь. О чем я вообще? Как же гнусно разделять людей по национальному признаку».

Гнусно, конечно. Кропивин, воспитанный в обществе, пытавшемся, далеко не будучи идеальным, все-же, привить детям понимание дружбы свободное от признаков искусственно людей разделяющих, несомненно сознавал недопустимость национального привкуса в общении, желая пониманием таким подавить случайную (случайную ли?) мысль о национальности воспитательницы, задавшей злосчастный вопрос Раисе Ивановне.

Что же касается стремительного взлета в карьере Милеевой, то объяснялось все просто. Свидетелем сцены, в результате которой техничка получила должность старшего воспитателя, оказался Игорь Владимирович случайно. Однажды, после обеда, на второй день пребывания Кнышевцев в «Дружном», Кропивин услышал чьи-то крики, раздававшиеся за одноэтажным подсобным помещением, которое располагалось метрах в двадцати от спального корпуса. Прислушавшись, Игорь Владимирович узнал голос Андрея Андреевича, на тот момент старшего воспитателя. Через пару минут четверо мальчиков лет четырнадцати-пятнадцати, на которых,

вероятно, и кричал старший педагог, вышли из-за угла сарайчика ругаясь друг с другом, успевая при этом огрызаться и на обращения к ним Андрея Андреевича, шагающего позади подростков. Они прошли мимо Кропивина, не замечая его, и направились к воротам лагеря. Ребята не стеснялись в выражениях и для доходчивости, очевидно, пользовались откровенным матом. Старший воспитатель, сверстник Кропивина, но в отличие от него очень высокий и стройный, с густой шевелюрой черных волос на голове, не стал преследовать подростков, а махнув на них рукой подошел к Игорю Владимировичу, желая, вероятно, с кем-то поделиться переполняющими его чувствами:

— Ты представляешь! Я их застал с сигаретами в зубах.

— Ну и что? — Не понял Кнышевский воспитатель, который тогда еще не знал, что Андрей Андреевич Кромбет был каким-то дальним племянником директора «Дружного» и студентом Киевского педагогического института. Очень амбициозным студентом.

— Как? Ты что, разве не гоняешь своих за курение?

Кропивин оставил вопрос Кромбета без внимания, заметив, что курящие ребята возвращаются обратно. Но не одни. С ними вместе

шла Раиса Ивановна и что-то тихо объясняла подросткам. Те ей не перечили, а наоборот, явно внимательно слушали женщину. Оказалось, что это были именно те парни, которые приехали в «Дружный» с группой детей, сопровождаемой Милеевой. А дальше произошло нечто невероятно-удивительное.

Фантастическая метаморфоза приключилась с подростками, которые только что ругались матом. Они подошли к Андрею Андреевичу и высокий, очень загорелый мальчик, очевидно, самый старший из всех, опустив глаза, тихо сказал, обращаясь к старшему педагогу:

— Извините нас. Мы не должны были так с вами разговаривать.

Озадаченный старший воспитатель удивленно посмотрел на перевоплотившихся нарушителей дисциплины непонимающим взглядом и промолчал.

— Идите, ребята, — отпустила детей Раиса Ивановна, и те, послушно повернувшись, зашагали по своим делам.

— Поразительно. Как это у вас получилось? — Восторженно спросил Игорь Владимирович у Милеевой.

— Что? — Не поняла она.

— Как вы справились с ребятами?

— А разве они здесь бесчинствовали?

— Парни вели себя ужасно, вступил в

разговор Кромбет, — вы представляете, они курили сигареты!

— А вы не пробовали это делать в подростковом возрасте?

— Нет, — сухо ответил Андрей Андреевич.

— А я пробовала, грустно улыбнулась Милеева, — еще в детстве. Но так, просто, ради забавы. Я занималась спортом, а потому стать курильщиком мне не пришлось, а эти мальчики... Ну, как бы вам объяснить. Пожалуй, не стоит их ругать за сигареты. Не тот случай. Вы знаете, что многие из них кричат по ночам? А курильщик Антон, которому тринадцать, хоть он и самый высокий из прибывших сюда ребят, четыре дня сидел в подвале, боялся выбраться на улицу, потому что там стреляли и днем, и ночью. А в подвал они с мамой своей бежали из квартиры, думали пересидеть там в надежде, что стрельба будет недолгой, но мама Антона не спаслась. Ей досталась шальная пуля. Так она и лежала мертвая четыре дня на улице, в нескольких десятках метров от сына, который скрывался в подвале. Российские солдаты помогли потом Антону выбраться на улицу и там, когда он увидел труп своей матери, с ним случилась истерика, а потом... Ну, в общем, позже он попал сюда. И у многих детей, приехавших в «Дружный», похожие истории. Знаете, теперь как-то даже язык с трудом поворачивается называть

этих девочек и мальчиков детьми. Ведь многим взрослым за всю свою жизнь не приходилось видеть ничего подобного тому, что познали дети Приднестровья.

Раиса Ивановна вдруг замолчала, но Игорю Владимировичу показалось, что она еще хочет что-то сказать. Поведение Андрея Андреевича задело ее за живое, но Милеева решила не предоставлять свободы чувствам, а не замолчи она тогда, возможно, вся сущность ее надорванной войной учительской души вырвалась бы наружу и что бы произошло тогда неизвестно. Не приходилось никогда раньше ни Кропивину, ни Кромбету сталкиваться с изъявлениями души человеческой, обожженной войной. Ведь о том, что пережил Антон, выслушав учительницу, мужчины узнали, а о том, что происходило в Приднестровье с самой Милеевой, они не ведали.

Видно было, что Раиса Ивановна с трудом сдерживается, чтобы не расплакаться, хотя слезы уже выступили на глазах... Усилием воли она не позволила себе разрыдаться.

— А что это вы все вместе собрались здесь? — громко и, вроде бы, удивленно спросил директор, Павел Павлович, неизвестно откуда появившейся возле трех педагогов. Он, вообще, обладал уникальной способностью оказываться там, где его никак не ожидали увидеть.

Шашлычник шашлычником, но служил он все-таки в КГБ, а советская спецслужба представляла собой серьезную организацию и работники ее проходили сложный и многоплановый отбор.

Но для Андрея Андреевича, казалось, появление родственника не воспринималось как неожиданность.

— Павел Павлович, я хочу вам кое-что сообщить и мне кажется, что есть смысл это сделать именно сейчас, — решительно обратился к руководителю «Дружного» старший воспитатель.

— Слушаю вас, — подчеркнуто-официальным тоном но, вместе с тем, почему-то улыбнувшись, дал слово Андрею Андреевичу директор.

— Дело в том, что мне необходимо срочно уехать на несколько дней в Киев, к другу, на свадьбу. Сегодня я звонил ему и меня неожиданно пригласили принять участие в этой праздничной церемонии. Недавно он жениться не собирался, но что же делать, если все получилось так внезапно. Речь идет о моем лучшем друге и ехать мне необходимо. Улыбка исчезла с лица Михайлюка и он, в какой-то степени, растерянно глядя на Кромбет, медленно произнес:

— Поехать... Легко сказать. А кто за тебя работать будет?

— Ну вот, Раиса Ивановна, например, — ответил Андрей Андреевич.

Трудно сказать, внес он такое предложение искренне или, будучи уверенным, что директор не назначит старшим воспитателем техничку, тем самым хотел уколоть Милееву.

Павел Павлович внимательно посмотрел на Раису Ивановну и задумчиво спросил:

— Ты так считаешь, Андрей?

Родственник директора промолчал.

Михайлюк был руководителем прирожденным. И хотя в КГБ он не занимал высоких постов, став начальником детского учреждения, организационные вопросы пытался решать основательно. Возможно, потому что директор воспринимал доверенную ему здравницу как свою. Так или иначе, но на должности старшего воспитателя Павел Павлович хотел видеть человека безоговорочно послушного, с одной стороны, и способного управлять людьми с другой.

— Ну что ж, я не возражаю, — к удивлению всех присутствующих неожиданно огласил свое решение директор «Дружного».

Но больше всех удивилась сама Раиса Ивановна, а руководитель детской здравницы, не дав ей опомниться, имея хватку человека готового брать быка за рога, уверенно продолжил:

— Значит так, Раиса Ивановна, сейчас мы с вами пойдем в административный корпус, уладим все формальности и сегодня вечером вы проведете

первую пятиминутку с педагогическим составом нашего заведения в качестве старшего воспитателя. А о том, что только что здесь произошло, мне известно.

Кромбет и Кропивин молча наблюдали за тем, как Павел Павлович, приверженец простецкой фамильярности, бесцеремонно взял смущенную Милетьеву под руку и повлек ее в сторону административного корпуса.

Через несколько мгновений он обернулся, посмотрел на Кнышевского воспитателя и сказал:

– Я забыл сообщить, Игорь Владимирович, что на сегодняшней вечер Вы приглашены на чай. Ровно в десять буду ждать вас у своего коттеджа. Хочу обсудить с вами перспективы оздоровления детей вашего пострадавшего от Чернобыля района здесь, в «Дружном». Надеюсь, что сможете подсказать мне что-нибудь о школах, их руководителях, ну и, вообще, о людях, которые возглавляют образовательную систему Комаровского района. Пожалуйста, не опаздывайте.

Директор с новым старшим воспитателем удалился, Андрей Андреевич, не спеша последовал за ними, а Кнышевский учитель направился к спальному корпусу.

Умел Павел Павлович удивлять людей его окружающих. «Да какое ж я имею отношение к заместителю главы администрации района, ведь

именно он заключает соглашения с санаториями и лагерями, в которых оздоравливаются наши ученики? «- удивленно думал Кропивин, — «неужели, каким-то образом, Михайлюку стало известно о том, что волею случая несколько месяцев назад я случайно познакомился с Марковым Анатолием Петровичем, главой администрации Комаровского района и у нас сложились с ним хорошие, человеческие отношения. Живет он в Кнышеве, а не в райцентре и я занимаюсь математикой с его одиннадцатилетним сыном на дому у Маркова. Но не может же «шашлычник» знать об этом! Или может?»»

Глава 3

В назначенное время, приглашенный Михайлюком на чай Игорь Владимирович, подошел к директорскому коттеджу. Тогда Раиса Ивановна как раз проводила общелагерную массовку, или, проще говоря, дискотеку. «Гоцалки», — так называли любимое большинством детей мероприятие Кнышевцы. После окончания этих «гоцалок» воспитанники Кропивина и другие школьники должны были идти спать. Завершив ужин, Раиса Ивановна, уже привыкая к новой должности, предупредила Кропивина, что

беспокоиться об «отбое» ему не надо, пообещав, что укладыванием Кнышевских детей она займется сама.

У входа в директорский коттедж Игоря Владимировича никто с распростертыми объятиями не встречал, но немецкая овчарка, любимица Михайлюка, решила ненавязчиво познакомиться с подошедшим к хозяйскому коттеджу человеком. «Ганс», — так звали пса, мирно но настороженно обнюхавшего Кнышевского воспитателя. Несколько оробевший Кропивин постучал в дверь и через мгновение ее открыл Павел Павлович. Так бывает, что улыбчивое лицо дружелюбие не излучает. Искренность изобразить невозможно, а потому наигранность приветливости директора «Дружного», даже не будучи профессиональным психологом, Игорь Владимирович не почувствовать не мог. Впрочем, при чем здесь искренность. Ведь Кропивин понимал, что оказался приглашенным на чай не в связи с внезапным, неизвестно откуда возникшим дружественным отношением руководителя детской здравницы к обыкновенному Кнышевскому воспитателю, а по причине определенной заинтересованности в нем прагматичного Михайлюка, желающего найти некоего посредника в Комаровском районе. Посредника между ним, директором детской здравницы, и районной администрацией Киевской

области, распорядителем «чернобыльских» денег.

— Заходи, Игорь Владимирович, — по-простецки пригласил гостя в дом хозяин, который был уже, как заметил для себя Кропивин, немножко навеселе.

Директор провел воспитателя в небольшую, уютную комнату. Там, за обильно накрытым столом сидели четверо мужчин, все лет тридцати, тридцати пяти в спортивных костюмах, подтянутые и крепко сложенные. Застольничали они, вероятно, уже давно. На мысль об этом наводили и две пустые бутылки из-под дорогого коньяка, примостившиеся под столом и две начатые, которые стояли на столе, а также улыбающиеся, возможно, даже слишком, лица расслабленных, незнакомых Кропивину гостей директора.

— Это наш уважаемый Игорь Владимирович, — представил мужчинам Кропивина руководитель «Дружного», усаживая воспитателя на свободное место за столом, а потом добавил, — он приехал к нам из Киевской области, привез чернобыльских детей.

— Павлович, так у вас тут и чернобыльцы есть? — Удивился один из гостей, держа в левой руке кусок хлеба, намазанный маслом, а правой пытаясь вилкой подобрать шпротину, упавшую на стол и затерявшуюся между тарелками с жареной рыбой, запеченным мясом и щедрыми по южному

салатами.

— Да, Сергей, и чернобыльцы тоже, — небрежно ответил директор, почему-то сразу рассмеявшись, — кого здесь только нет. А ты, Игорь, не стесняйся, знакомься с ребятами, — неожиданно для Кропивина, обратился к нему на «ты» руководитель здравницы, — рядом с тобой Сергей, а далее по кругу: Андрей, Влад и тезка своего шефа, Мирча.

— Своего шефа? — переспросил Игорь Владимирович.

— Ну да, Мирча Снегур, президент Молдавии, обеспечивает работой всех ребят, которые сидят за этим столом, всех наших гостей.

— Как это?

Павлович, наливая в рюмку, поставленную Сергеем возле Кропивина, коньяк, засмеялся:

— Ну, отдыхают ребята, здесь отдыхают, внезапно сегодня приехали как к себе домой, но им можно, а вообще они служат в охране президента. По привычке прибыли на свою КГБешну базу. Лагерь то наш детский, все-таки, КГБешный.

— Я слышал.

— Слышал, — хозяин стола снова громко рассмеялся, а Игорь подумал, что Павлович, вероятно, очень активно дегустировал крепкие напитки до его прихода.

— Давайте все поднимем стаканы, бокалы,

чарки, в общем, что у кого есть, за знакомство и за дружбу народов, — продолжил Михайлюк, — трое украинцев и молдаванин проводят отпуск вместе, и все трое- охранники молдавского президента. А почему бы и нет. За такие бабки можно и молдаванину пригодиться. Правильно, Сергей?

— Конечно, — ответил отпускник-телохранитель, закусывая, изысканно переброшенную только-что в рот рюмку коньяка, свежим зеленым огурцом, наколотым на вилку.

— А что ты имеешь против молдаван, Павлович? — шутливо-настороженно уточнил Мирча.

— Против? — Ничего. Абсолютно. У меня же квартира есть в Кишиневе, и жена там осталась, и сын-студент, — быстро сказал Павлович, выпалив эту фразу, которая прозвучала как оправдание перед молдавским народом, а потом громко и искренне рассмеялся. С трудом остановив приступ смеха, бывший прапорщик выпил рюмку коньяка и не закусывая обратился ко всем присутствующим:

— А сейчас расскажу случай из жизни, — Павлович пытался сделать серьезное лицо, но было понятно, что собирается он рассказать, вероятно, анекдот или очень неприличный, или слишком грубый, а никак не о реальном случае из жизни.

— Ну давай, директор, — иронично поддержал входящего в азарт руководителя

«Дружного» Сергей.

— На железнодорожном вокзале Кишинева мужчина, точно молдаванин, с чемоданами подходит к вагону и бьется об него головой, потом подходит к другому вагону и тоже бьется об него головою, затем подходит к следующему вагону, а это все видит проводница. Она громко кричит странному мужчине: «Что вы делаете?», А тот отвечает: «Да понимаете, в моем билете написано — мягкий вагон, вот я и ищу мягкий».

Интернациональная компания, пристроившаяся у стола и разбавившая примитивный юмор уже отстоявшимся в крови алкоголем, громко и долго смеялась.

Затем хозяин, он же бывший прапорщик, он же директор, он же разливающий, осуществляя свои функции, снова наполнил рюмки коньяком. Когда гости выпили, Мирча сказал:

— Теперь я расскажу анекдот. Молдаванин и его жена, также молдаванка, сидят за столом, на кухне и ужинают. Мужчина спрашивает у своей половинки: «слушай, а ты не знаешь, почему все окружающие считают, что у нас вот такая семья?» и стучит костяшками пальцев по столу. «Не знаю», — отвечает женщина и поднимается со стула, а муж говорит ей, — «Сиди, я сам открою».

Над анекдотом Мирчи веселая компания смеялась дольше чем над предыдущим, а когда

хохот стих, Кропивин спросил у Мирчи:

— А вы какой национальности будете?

— Молдаванин, — совсем не чувствуя подвоха в вопросе ответил охранник-рассказчик анекдотов, — а все другие мои коллеги, здесь присутствующие, украинцы.

— Хохлы, — широко улыбнувшись уточнил Павлович.

— Хохлы, хохлы, — искренне смеясь поддержали Мирчу украинские охранники молдавского президента.

— А сейчас моя очередь рассказывать, — почти закричал Андрей, чтобы перекрыть своими децибелами шум в комнате, — слушайте. Наш президент Снегур выступает на митинге, который проходит на центральной площади Кишинева, а рядом с ним несколько приближенных к нему чиновников пристроились. В конце речи он говорит: «Мы будем жить лучше с каждым месяцем. Нет. Мы будем жить лучше с каждой неделей. Нет. Мы будем жить лучше с каждым днем». И после этих слов кто-то из толпы, окружившей трибуну, робко спрашивает: «А мы?»

Следующим желающим повеселить компанию был Влад и он без всяких предисловий продолжил развивать национальную тему:

— Сейчас будет об украинцах. Два соседа собрались на кухне. Выпивают и закусывают. Один

из них и говорит: «сосед, ешьте вареники», а тот отвечает: «я и так ем, пять штук уже съел», на что угощающий возражает: «ну не пять, а восемь, но кто вам считает».

И снова лихорадочно-алкогольный до неестественности хохот заполонил маленькую комнату.

Кропивин смеялся вместе со всеми, одновременно удивленно, уже слегка алкогольно-затуманенно отмечая для себя: «анекдоты все касаются национальностей, в том числе национальности молдавской. И кто их рассказывает? Охранники молдавского президента! Фантасмагория какая-то.»

— Возвращаемся к молдаванам снова, — искренне сказал Андрей, насмеявшись вдоволь, — слушайте внимательно! Возле многоэтажного дома в Кишиневе русский встречает своего соседа, молдаванина, который несет в сторону мусорника трехлитровую банку с несколькими, довольно аппетитными огурцами на дне. Ну, русский у него и спрашивает: «Ты почему огурцы не доел?», А молдаванин отвечает: «Да хотел доест, но голова в банку не влазит».

— Ладно, давайте передохнем, — предложил Мирча, после того как очередной приступ смеха застольной компании стих, — хочу предложить нашему черныбыльскому гостю попробовать такое

вино, которое он, думаю, не пил никогда и хочу провозгласить тост.

Откуда тостующий достал изысканный, глиняный кувшин, Кропивин не увидел, но когда вино оказалось в его стакане, Игорь приблизил стакан к лицу, вдыхая удивительно насыщенный южный степной аромат.

— За то, чтобы у нас все было и нам за это ничего не было, — почти скороговоркой выпалил Мирча давно избитый тост, а Кропивин даже не успел понять, что тост уже оглашен. Все выпили коньяк, а Игорь, чувствуя, что начинает изрядно хмелеть, вино решил лишь пригубить. Но как только ощутил вкусовой букет неожиданно ярко-сладкого напитка, сразу изменил свое решение. Не сумев остановиться он выпил стакан до дна, а потом спросил у Мирчи:

— Сколько же здесь сахара?

— Сахара? — удивился молдаванин, — его тут вообще нет.

— Как это? Вино же очень сладкое, — с наивным недоверием уточнил Кропивин.

— С этим не спорю, но все дело в солнце.

— В солнце?

— Конечно, сладость винограду дарит солнце. Так вот вино это Снегура. Точнее, его должности. Можешь теперь в любой компании смело хвастаться, что пришлось тебе попробовать сладкое

сухое вино из президентских подвалов.

— Ты смотри, — шутя пригрозил пальцем Мирче директор «Дружного», а то приучите воспитателя нашего к вину из президентских запасов, а ему еще захочется.

— Ничего, еще нальем, если пожелает. И с собой можем дать немножко. А вот купить такое вино нигде невозможно. Ни за какие деньги.

— Невозможно? — спросил Игорь.

— Да. И дело даже не в стоимости, хотя стоит оно... Ты вот сколько в месяц получаешь?

— Ну, если перевести в доллары, — Кропивин на несколько секунд задумался, — где-то долларов двадцать, наверное, за месяц.

Мирча сначала внимательно посмотрел в лицо Игоря, а потом улыбнувшись сказал:

— Я понял! Ты решил продолжить серию анекдотов.

— Анекдотов?? — Удивился Кропивин.

— Не приставай ты к человеку, — заговорил дожевывая что-то мясное, хорошо осведомленный о зарплате украинских учителей Михайлюк, — действительно Игорь Владимирович около двадцати долларов получает, и те, как правило, на несколько месяцев задерживают.

Пораженный Мирча все же умел профессионально сдерживать эмоции, а потому выслушав Михайлюка, он просто молча налил

Кропивину опять полный стакан вина, а воспитатель заинтересовавшись, все же не удержался от вопроса:

— Ну а сколько могла бы стоить бутылка такого вина, если бы оно продавалось?

— Если бы продавалось? — Мирча задумался, — точно трудно сказать, но думаю, что не менее нескольких сотен долларов. Ну да ладно, не в деньгах счастье, но, вместе с тем, давайте выпьем за то, чтобы доллары у нас водились.

Никто из присутствующих возражать не стал.

Через несколько минут, порядком захмелев, Кропивин спросил у сидящего рядом с ним Сергея:

— А вы что, все являетесь офицерами КГБ?

— Нет, нет, — сказал президентский охранник улыбаясь и дожевывая куриную ногу одновременно, — КГБ теперь вообще не существует, — а потом, отложив кость на тарелку, продолжил, — вместо КГБ появилась Служба Национальной Безопасности Молдовы, Служба безопасности Украины и всяческие другие службы.

— И что вы все о службе? Давайте лучше о женщинах, — предложил веселый Андрей, — как, кстати, здесь, в лагере с ними?

— Вот с этим делом у нас тут напряженно, — констатировал Павлович.

— Напряженно?

— Да, за женщинами вам придется ехать в бар.

Ставший смелым под действием алкоголя Кропивин засмеялся, приняв фразу относительно бара за шутку и прокомментировал услышанное:

— У вас хороший юмор, Павел Павлович.

Михайлюк среагировал мгновенно:

— Какой юмор? Ребята действительно поедут сейчас в ближайший бар. Не пешком же им туда идти.

— Но... — попытался возразить наивный воспитатель.

— Гаишники? — Усмехнулся Сергей, доставая что-то из внутреннего кармана своего пиджака.

Этим «чем-то» оказались четыре удостоверения, которые президентский охранник начал показывать Игорю по одному. Первым было удостоверение капитана милиции, украинской милиции, с вклеенной фотографией Сергея в соответствующем мундире. Следующим стало удостоверение капитана украинской службы безопасности, тоже, естественно, с фотографией Сергея. Третье удостоверение утверждало, что Сергей — капитан вооруженных сил Украины.

— А вот это — настоящее, — заявил Сергей показывая Игорю четвертое, со своей фотографией в молдавской военной форме.

Почему же документы, в безупречном качестве подделки которых, Кропивин, совсем не будучи специалистом в этой области, все же не сомневался, большого удивления у него не вызвали? Возможно, потому, что то сумбурное, разрушающее устоявшиеся стереотипы в мышление людей время, накладывало свой путанный отпечаток на человеческое сознание. Станным показалось другое, — то, что мужчины, которые сидели рядом с Игорем, совсем не стеснялись бравировать своими возможностями. «Что это? Банальное мальчишеское хвастовство? Да нет, какое мальчишество у тридцатилетних офицеров? Нет. Дело, очевидно, не в этом. Просто президентские охранники искренне чувствуют себя бесспорными хозяевами жизни, а чувство это обуславливает необходимость самоутверждения», — подумал Кропивин, разглядывая удостоверения.

В «Жигуленок», сверкающий лаком, темно-вишневую «девятку» со служебными молдавскими номерами, охранники, которые собрались в бар, уселись неожиданно быстро и приветственно помахав руками, оставили директора «дружного» и воспитателя у директорского дома, поехав на поиски ночных приключений.

Бывает так, что несмотря на близкое общение, выпитый коньяк и показушную искренность,

чувство общности духовной, недавно познакомившихся и по логике событий способных стать друзьями людей, так и не приходит. Когда новые знакомые Игоря поехали в ночной бар, а он сам, попрощавшись с Михайлюком, направился к спальному корпусу, тучка хотя бы легкого сожаления от расставания с новыми знакомыми над Кропивиным не появилась.

Воспитатель не спеша шел по мягкой дорожке притихшего на ночь детского лагеря. И несмотря на туман в голове, пытающийся спутать мысли воспитателя, он все же задал себе абсолютно четкий и очевидный для аналитического ума преподавателя математики вопрос: «Почему трое не бедных и солидных, вообще-то, мужчин, оказались в свободное, отпускное свое время в одном и том же, далеко не самом привлекательном для отдыха месте, одновременно, да еще и на служебном автомобиле? Могло ли это оказаться случайностью или проявлением инфантильной тяги к «родным», КГБшным базам отдыха?». Впрочем, хотя ответ и казался Игорю Владимировичу очевидным, простым, логичным и коротким, дать его окончательно на свой вопрос воспитатель не хотел. А зачем? Ведь ясное «НЕТ» повлекло бы за собой цепочку рассуждений на тему: «А что же делают в детской здравнице четыре офицера молдавской спецслужбы?». Но рассуждать по этому поводу

Кропивин не хотел совсем, чувствуя, что ни к чему хорошему мысли подобные привести не смогут.

Глава 4

Медицинский пункт в большом детском лагере, например, в таком как «Дружный», это место, в котором и у которого, как правило, весь день, а иногда и ночью есть посетители. Медикам в детских здравницах скучать не приходится. Когда в один солнечный, тихий и жаркий день семилетняя, светловолосая Анечка из группы Кропивина после обеда подошла к Игорю Владимировичу и пожаловалась на боль в животе, воспитатель, тяжело вздохнув, представив уже себя с Анечкой стоящими или сидящими в очереди к врачу, взял девочку за руку и пошел с ней в сторону медпункта. Медицинский центр здравницы располагался на уютной, как-бы оторванной от основной территории лагеря полянке, окруженной несколькими высокими кленами и представлял собой маленькое, одноэтажное, глиняное, белое здание, немного напоминающие сельский дом, принадлежащий очень аккуратным но небогатым хозяевам. Медпункт примыкал к забору, который ограждал территорию «Дружного», а потому дорога к нему от столовой занимала минуты четыре. Подойдя с Анечкой на расстояние метров двадцати

к медицинскому зданию, Кропивин очень удивился. Чего ему не приходилось видеть возле медпункта, так это автомобилей. Нет, «Скорую помощь», что забирала в больницу русского мальчика из Приднестровья с подозрением на аппендицит, воспитатель однажды за время работы с детьми в здравнице видел, а больше никакие машины к медпункту не подъезжали. А теперь три шикарных «БМВ» и два люксовых «Мерседеса» блестели на солнце лаком у застенчивого, медицинского, одноэтажного домика. Игорь Владимирович так засмотрелся на неожиданные машины, что и не понял, откуда возле них с Анечкой появились двое рослых парней лет двадцати пяти в черных, отутюженных брюках, белоснежных рубашках и лакированных черных туфлях. Парни так были похожи друг на друга, что у Кропивина сразу возникла мысль: «а не близнецы ли они?» Один из незнакомцев, не представившись, вежливо и твердо перегородив дорогу, спросил у воспитателя, держащего за руку девочку:

— Вы к кому?

— К врачу, — удивленно ответил Кропивин.

— В медпункт сейчас нельзя. Мы позовем врача сюда.

Доктор, пятидесятилетняя Виталина Андреевна, не заставила себя ждать. Она несколько растерянно, как показалось Игорю Владимировичу,

вышла через пару минут и подойдя к девочке погладила ее по голове со словами:

— Что случилось, солнышко?

— У меня болит живот, — ответила Анечка.

— Живот? — задумчиво спросила Виталина Андреевна, а потом решительно развернулась лицом к медпункту и взяв девочку за руку повела ее за собой, сказав при этом Кропивину:

— А вы ждите здесь, вас не пустят.

Кропивин не понимал, почему не пустят, но послушав доктора, которая повела с собой девочку, присел на лавочку, стоявшую рядом, в тени осины и стал ждать возвращения Ани, рисуя, подобранной возле дерева палочкой, различные геометрические фигуры на земле свободной от травы. Затем, от нечего делать, воспитатель стал рассматривать дорогие автомобили и обратил внимание, что на лобовом стекле двух из них закреплены российские флажки, а на стекле трех других машин — флажки молдавские. За рулем каждой сидел водитель.

«Как все это объяснить?» — подумал Игорь Владимирович, — «явно, в медпункте находятся какие-то важные люди. Но почему здесь, в детском лагере? Почему именно в медпункте, в конце концов? И где Павлович? Неужели там, внутри?». «Шашлычник» и люди, прибывшие в детскую здравницу на элитных автомобилях, как-то не очень подходили для одной компании. А водители, сидя в

машинах с застывшими, напряженными лицами казались Кропивину особенно странными. Выглядело так, что они готовы были сорвать свои автомобили с места в любой момент.

Неожиданно дверь дома медпункта открылись и оттуда вышел Сергей. Тот самый Сергей, с которым Кропивин познакомился неделю назад, охранник молдавского президента. Несмотря на то, что теперь он был не в спортивной одежде, а в дорогом, хорошо подогнанном к особенностям его фигуры микровельветовом, светлом костюме, Игорь Владимирович узнал его сразу. На мгновение взгляды мужчин встретились, но офицер молдавской службы безопасности Кропивина не узнал, или сделал вид, что не узнал. Он подошел к «БМВ», открыл багажник, достал оттуда большую, спортивную сумку и быстрым шагом вернулся с ней в дом. Игорь Владимирович отметил, что водитель машины, к которой подходил Сергей, не шевельнулся, то есть никак не отреагировал на действия охранника высокопоставленного лица. «А может там, в медпункте президент Молдавии находится?» — мелькнула абсурдная мысль в голове Кнышевского воспитателя, но он сразу отверг ее, вспомнив, что всего четверть часа назад задержался на минуту у телевизора, стоявшего в холле столовой и по которому передавали прямую трансляцию из Кишенева. На экране мелькали

кадры со Снегуром, выступавшем в молдавской столице на каком-то митинге. А потому никак не мог быть президент в медпункте «Дружного» и в Кишиневе одновременно.

— Тебя тоже пригласили? — услышал вдруг Кропивин знакомый голос прямо за своей спиной и обернулся.

Конечно, позади оказался вездесущий и невесть откуда появившийся Михайлюк. Несмотря на то, что директор здравницы пытался шутить, он выглядел растерянным.

— Куда пригласили?

— На мероприятие. — Павлович махнул головой в сторону здания медпункта.

Игоря Владимировича, ожидающего больного ребенка, на юмор не тянуло, а потому он просто спросил:

— Что здесь происходит, Павел Павлович?

— О-оо, протянул директор, — здесь много чего происходит.

Услышав исчерпывающий ответ Михайлюка Кропивин понял, что ничего у руководителя здравницы выяснить не сможет. Вообще-то, его не сильно беспокоило присутствие неизвестных но, очевидно, серьезных людей на территории «Дружного». Ведь их присутствие не мешало отдыху детей, а лишь несколько осложняло доступ в медпункт.

— Что, привел кого-то из своих к доктору?

— Да.

— Хорошо. Жди. Пойду, — как-то смущенно и, вместе с тем, небрежно бросил директор и направился в сторону столовой.

Через пять минут улыбающаяся Анечка вышла из медпункта и подойдя к своему воспитателю радостно сообщила:

— А мне дали таблетку, и совсем не горькую. И уже все прошло. Живот не болит.

— Так быстро?

— Да, — уверенно подтвердила девочка, — доктор, тетя Виталина, сказала, что дала мне волшебную таблетку.

— А-аа, — понимающе кивнул головой Кропивин, — тогда, конечно. Раз волшебную, то нет вопросов.

— Вот и мой папа часто говорит: «Нет вопросов», — констатировала Анечка, а затем без всякой связи спросила:

— А почему у тети-врача такое странное имя, Виталина?

— Не знаю. Ну что, идем на «тихий час»?

— Идем, — ответила повеселевшая после посещения доктора девочка.

По дороге к спальному корпусу девочка в подробностях рассказывала о процедуре ее осмотра доктором с чудесным и загадочным именем

Виталина, а Кропивин, слушая в пол-уха, рассуждал о Сергее: «мог ли он действительно меня не узнать? Не мог. Глаза выдали президентского охранника, даже тренированные в школе КГБ, или как она там у них называется. Узнал, конечно. Но... Хотя что это я о нем? Какая мне разница узнал или не узнал?». Затем мысль Кропивина переключилась на девочку: «Но Анечка даже не заметила, что в медпункте все не так как обычно. Впрочем, почему бы она стала это замечать? Не заинтересовали ее дорогие молдавские и российские автомобили и странные люди в них сидящие, а вот добрая Виталина Андреевна — совсем другое дело».

О Сергее Игорь Владимирович услышал вечером следующего дня, когда после «отбоя», уложив Кнышевских детей спать, вышел на крыльцо спального корпуса. А заговорил о нем Павел Павлович, который, не изменяя своим профессиональным, вероятно, склонностям, опять, непонятно каким образом, неожиданно оказался возле корпуса и окликнул Игоря Владимировича, поднявшего голову и смотрящего на звезды:

— И что ты там видишь, в небе?

Кропивин ошеломленно посмотрел на явно поддатого бывшего прапорщика КГБ, пытаюсь сделать вид, что появление рядом директора здравницы не стало для него неожиданностью и ответил: